РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

**Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви**

№ 1 (20) 2025

Д. И. Стогов

Русские консерваторы начала XX в. о Византии и византизме

УДК [1:329](470+571)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_1_120
EDN NSELXA

Аннотация: Статья посвящена позиции русских консерваторов начала XX в. по византийской проблематике. Автор проанализировал ряд публицистических статей, очерков, публичных речей, проповедей известных священнослужителей, ученых, писателей, публицистов, политиков, разделявших консервативные взгляды. Отмечается, что русские правоконсервативные политики, публицисты, ученые, священнослужители начала XX в., отталкиваясь от триады графа С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», в трудах и публичных выступлениях подчеркивали важность обращения к византийскому наследию. Делается вывод о том, что обращение русских правых к Византии, ее культуре и традициям объяснялось в первую очередь тем, что именно из Константинополя Русь восприняла христианство. Не отрицалась ими и идея о России как хранительнице православия, которой она стала после падения Константинополя. Однако теория Третьего Рима, известная с XVI в., практически не использовалась. Анализ трудов русских консерваторов начала XX в. позволяет заключить, что основу их позиции по Византии следует искать главным образом в работах выдающегося русского мыслителя К. Н. Леонтьева, в особенности в его сочинении «Византизм и славянство». В статье отмечается, что консерваторы начала XX в. творчески переосмысляли идеи Леонтьева о византизме (сохранение в государстве монархического начала и сословного строя, послушание властям, церковность, принцип симфонии властей, идея «сильного государства» и т. д.).

Ключевые слова: византизм, славянофилы, консерваторы, правые, монархисты, религия, политика, патриотизм, православие, самодержавие, народность.

Об авторе: **Дмитрий Игоревич Стогов**
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ».
E-mail: bel-grigorij@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7619-7642

Для цитирования: Стогов Д. И. Русские консерваторы начала XX в. о Византии и византизме // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 120–132.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 18.10.2024.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (20) 2025

Dmitry I. Stogov

Russian Conservatives at the Beginning of the 20th Century about Byzantium and Byzantism

UDC [1:329](470+571)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_1_120
EDN NSELXA

Abstract: The article is devoted to the position of Russian monarchists of the early twentieth century on Byzantine issues. The author analyzed a number of journalistic articles, essays, public speeches, sermons by famous clergymen, scientists, writers, publicists, politicians who shared monarchical views. The article notes that Russian right-wing conservative politicians, publicists, scientists, clergymen of the early twentieth century, starting from the theory of official nationality, in their writings and public speeches emphasized the importance of referring to the Byzantine heritage. The author concludes that the appeal of the Russian monarchists to Byzantium, its culture and traditions was explained, first of all, by the fact that it was from Constantinople that Russia adopted Christianity. They also did not deny the idea of Russia as the guardian of Orthodoxy, which it became after the fall of Constantinople. However, the theory of the Third Rome, known since the XVI century, was practically not used by the monarchists of the early twentieth century. Russian monarchists' analysis of their works allows us to conclude that the basis of their position on Byzantium should be sought, first of all, in the works of the outstanding Russian thinker K. N. Leontiev, in particular, in his work "Byzantium and Slavism". The article notes that the monarchists of the early twentieth century creatively reinterpreted Leontiev's ideas about Byzantium (preservation of the monarchical principle and the estate system in the state, obedience to the authorities, ecclesiasticism, the principle of the symphony of the authorities, the idea of a "strong state", etc.).

Keywords: Byzantism, Slavophiles, rightists, monarchists, Black Hundreds, conservatives, religion, politics, patriotism, Orthodoxy, autocracy, nationality.

About the author: **Dmitry Igorevich Stogov**
Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Culture history, state and law, Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI".
E-mail: bel-grigorij@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7619-7642

For citation: Stogov D. I. Russian Conservatives at the Beginning of the 20th Century about Byzantium and Byzantism. *Russian-Byzantine Herald*, 2025, no. 1 (20), pp. 120–132.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 18.10.2024.

Актуальность проблемы. В сегодняшних геополитических условиях, когда многовековое противостояние России и Запада вступило в новую фазу крайней напряженности, представляется актуальным обращение к богатому наследию классиков русской консервативной мысли. Еще более ста лет назад они пытались ответить на сложные вопросы о месте России в мире, о предназначении Российского государства, размышляли о православной сущности русской цивилизации, о взаимоотношениях России с Западом и Востоком. Русские консерваторы (правые силы) начала XX в., отстаивавшие, как и все консервативные мыслители, традиционный уклад[1], выступали с монархических позиций. Они, придерживаясь уваровской триады, считали идеальным государственным устройством самодержавие. Часть консерваторов (правые, умеренно правые) при этом допускали создание и развитие представительных органов государственной власти (Государственной думы), исходя из славянофильской формулы «силу мнения — народу, силу власти — царю»[2]. Другая группа консерваторов (крайне правые, черносотенцы) исходили из убеждения, что в сложных политических условиях, когда Российская империя стояла перед лицом ярко выраженной революционной угрозы, любое народное представительство весьма опасно. Отсюда — известное недоверие, которое испытывала часть крайне правых (прежде всего — члены Всероссийского Дубровинского Союза русского народа во главе с доктором А. И. Дубровиным) к деятельности Государственной думы.

Так или иначе, практически все русские консерваторы начала XX в., вне зависимости от их отношения к наличию или отсутствию народного представительства, считали своими предшественниками славянофилов[3], изучали и цитировали их труды. Особый интерес они проявляли к наследию идеолога «позднего славянофильства» К. Н. Леонтьева[4], в том числе, несомненно, к его ключевой работе «Византизм и славянство»[5], которая, собственно, и определяла понятие «византизм», а также роль византийского наследия в формировании социально-политической и культурной жизни славянства.

Историография проблемы. В трудах современных исследователей содержатся отдельные суждения об отношении русских консерваторов начала XX в. к Византии, византизму, византийскому наследию. В частности, о значении позиции К. Н. Леонтьева, о византизме и о влиянии теории мыслителя на мировоззрение монархистов писал известный историк монархического движения С. А. Степанов[6]. На то, что русские консерваторы начала XX столетия говорили о неразрывной связи русской цивилизации с греческо-византийской цивилизацией, указывает известный исследователь М. Л. Размолодин[7]. Историк также отмечает, что большое влияние на формирование воззрений правых на Византию оказали труды великого русского философа Н. Я. Данилевского. Данилевский писал о «грубом насилии», изначально, со времен раннего Средневековья, царившем в западном мире по отношению к другим народам и ко всем инакомыслящим, тогда как православные цивилизации (сначала византийская, а затем, как ее наследница, и русская) отвергли языческий принцип «человек человеку волк» и способствовали выработке братских отношений со всеми народами,

---

[1] О сущности консерватизма и правых см.: Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2 / Публ. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1: 1905–1910 гг. С. 5.

[2] *Аксаков И. С.* Наше знамя — русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедев, отв. ред. О. Платонов. М., 2008. С. 6 (предисловие — С. В. Лебедев).

[3] *Стогов Д. И.* Славянофильство как идеологическая основа монархического движения начала XX в. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 192–201.

[4] *Стогов Д. И.* Русские монархисты начала XX в. о К. Н. Леонтьеве // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 168–178.

[5] *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // *Его же.* Избранное. М., 1993. С. 19–118.

[6] *Степанов С. А.* Черная сотня: что они сделали для величия России. М., 2013. С. 23.

[7] *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни / Под ред. проф. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2010. С. 181.

которые так или иначе попадали в орбиту влияния православных[8].

О значении основополагающего труда К. Н. Леонтьева, посвященного византизму и славянству, в деле развития правоконсервативной идеологии конца XIX — начала XX в. пишет известный историк А. В. Репников[9]. О влиянии византийской культуры и византийского наследия при формировании русской цивилизации писал известный мыслитель В. В. Кожинов, снабдив свою публицистическую книгу, посвященную монархистам, обширным историософским приложением «О византийском и монгольском „наследствах“ в судьбе России»[10] и предприняв «своего рода оправдание Византийской империи»[11].

Вместе с тем стоит отметить, что до настоящего времени отсутствует какое-либо исследование, посвященное специально теме отношения русских консерваторов начала XX в. к Византии и византизму. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот существенный пробел.

Современное издание «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского

Русские консерваторы начала XX в. и исследование византийской цивилизации. Интерес к византийскому наследию, в том числе научный, проявляли многие известные русские правоконсервативные деятели — ученые, специалисты в различных областях знаний. Так, известный филолог-классик, публицист, историк, педагог, член-корреспондент Императорской академии наук Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919), являвшийся также убежденным монархистом, членом старейшей монархической организации царской России, Русского собрания, членом Совета Киевского клуба русских националистов, участником монархического академического движения, написал трехтомную «Историю Византии», которая не потеряла свою научную значимость и в настоящее время, сравнительно недавно была переиздана[12].

А известный ученый-правовед, специалист по римскому праву, приват-доцент Санкт-Петербургского университета (впоследствии профессор Юрьевского университета), филолог, литературный критик, библиофил, поэт Борис Владимирович Никольский (1870–1919), одновременно являвшийся монархистом, членом Русского собрания

[8] Там же. С. 176–177.

[9] *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 307.

[10] *Кожинов В. В.* «Черносотенцы» и революция (загадочные страницы истории). Изд. 2-е, доп. М., 1998. С. 182–205.

[11] Там же. С. 194.

[12] *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. 3-е изд., исправ. и доп. СПб., 2003–2004; *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский (1855–1919) и его «История Византии» // *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. 2-е изд. СПб., 1996. Т. 1. С. 435–445; *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его «История Византии» в пространстве российского византиноведения: Последний классик летописного жанра и культура жанра // *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. 3-е изд., исправ. и доп. Т. 1. СПб., 2003. С. 5–48.

и Главного совета Союза русского народа (впоследствии — Всероссийского Дубровинского Союза русского народа), в своем дневнике признавался, что еще в молодости проявлял интерес к изучению византийского права, подчеркивал важность его исследования[13]. В частности, ученый обращался к теме брачного имущества в Византийской империи[14]. Профессиональный интерес к Византийской империи проявляли и другие русские монархисты. Известный генерал от кавалерии, поздний славянофил, писатель, публицист Александр Алексеевич Киреев (1833–1910), который был членом Союза русского народа[15], в своих произведениях вслед за Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым фактически проделал скрупулезный анализ влияния византийской культуры на формирование русской цивилизации[16].

Непредвзятый интерес к Византии, византийскому наследию и к проблеме византизма со стороны русских консерваторов начала XX в. вполне объясним, если учитывать то обстоятельство, что значительная их часть считала себя последователями учения славянофилов (а иногда, как в случае с А. А. Киреевым и Б. В. Никольским, — непосредственными представителями славянофильства), которые противопоставляли русскую цивилизацию западной, одновременно изучая корни русской цивилизации, ее истоки, во многом связанные с византийским наследием.

Рассмотрим некоторые сюжеты, касающиеся Византии и византизма, раскрытые в трудах и публичных выступлениях правоконсервативных мыслителей.

Византийские идеалы и русские монархисты начала XX в. Идея Третьего Рима и ее интерпретация. Широко используя впервые введенное К. Н. Леонтьевым понятие «византизм»[17], рассматривая его как охранительную идею, культуру[18], русские консерваторы начала XX в. переосмысляли учение Леонтьева о византизме (в том числе такие его компоненты, как сохранение в государстве монархического начала и сословного строя, послушание властям, церковность, принцип симфонии властей, идея «сильного государства» и т. д.).

Особое место в мировоззрении правых занимала, безусловно, монархическая идея. Русские консерваторы начала XX в. неизменно подчеркивали, что российские самодержцы являются продолжателями дела византийских императоров. К примеру, в произведениях генерала А. А. Киреева и проповедях священномученика протоиерея Иоанна Восторгова нередки упоминания равноапостольного царя Константина, римского императора, ставшего основателем Византии[19]. Священномученик Иоанн прямо называет великого князя Владимира, крестителя Руси, «новым Константином»[20]. Монархисты восхищались государственным устройством Византии. Им импонировала идея «симфонии властей». Вместе с тем некоторые из них делали при этом важные уточнения. Так, А. А. Киреев указывал, что в Византийской империи император совещался с Сенатом, а также со своим советом, но византийская система была весьма далека от сотрудничества московских царей с Земскими соборами, которое выработалось в Московской Руси. Это сотрудничество, по мысли

[13] *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. Т. 1: 1896–1903. СПб., 2015. С. 262–263 (дневниковая запись от 29 января 1899 г.).

[14] Там же. С. 358 (дневниковая запись от 12 февраля 1900 г.).

[15] *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910 гг. / Сост. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 113.

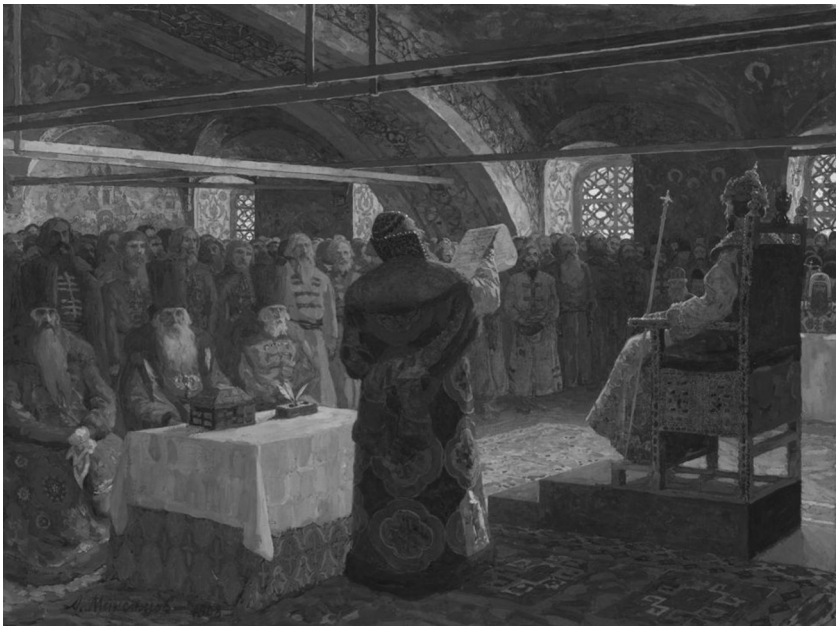
[16] См.: *Киреев А. А.* Краткое изложение славянофильского учения // *Его же.* Учение славянофилов / Сост. С. В. Лебедев, Т. В. Линицкая, предисл. и коммент. С. В. Лебедев, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012. С. 28–89.

[17] О происхождении термина «византизм» см.: *Гаврилов И. Б.* Философия византизма в «Русско-византийском вестнике» // Русско-византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 8–12.

[18] Там же. С. 8.

[19] *Киреев А. А.* Краткое изложение славянофильского учения // *Его же.* Учение славянофилов. С. 39, 41; *Восторгов И., прот.* Заветы истории о верности православию и самодержавию // Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа / Сост., вступ. и биогр. ст., коммент. А. Д. Степанов, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. С. 720.

[20] *Восторгов И, прот.* Заветы истории о верности православию и самодержавию. С. 720.



Земский собор. Худ. А. Ф. Максимов, 1908 г.

позднего славянофила, в отличие от Византии, давало полноценное общение государя со своим народом, и устанавливаемая таким образом связь придавала «правительству необыкновенную устойчивость»[21]. Таким образом, считая Россию в деле монархической государственности преемницей Византии, русские консерваторы, вслед за славянофилами, еще более восхищались самобытными идеями допетровской Руси.

Бывший народоволец, а затем убежденный монархист, редактор «Московских ведомостей» Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) в фундаментальном труде «Монархическая государственность» проанализировал особенности византийской государственности, писал в этой связи о «конце римского абсолютизма»[22], о «соединении христианской и Римской идеи»[23]. Вместе с тем мыслитель полагал, что Византия до конца так и не изжила «римский абсолютизм», что впоследствии привело к определенной двойственности, когда византийский кесарь, будучи уже христианским государем, проповедуя «более совершенный государственный строй» (вокруг императора теперь была «живая Церковь, носительница Божественной нравственной воли»), тем не менее оставался «носителем власти управительной», подобно императорам Римской империи[24]. По мнению Тихомирова, именно это обстоятельство позднее сыграло пагубную роль в судьбе Византии[25].

Размышления священномученика прот. Иоанна Восторгова о византийском самодержавии и его недостатках во многом перекликаются с суждениями Л. А. Тихомирова. Священник отмечал, что на определенном этапе византийские государи перестали защищать свою Церковь от «врагов и лжеучителей»[26]. Впоследствии, как отмечает о. Иоанн, все это привело к тому, что Византия пала[27].

[21] *Киреев А. А.* Краткое изложение славянофильского учения // *Его же.* Учение славянофилов. С. 48.

[22] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., [1992]. С. 133–135.

[23] Там же. С. 139–144.

[24] Там же. С. 143.

[25] Там же. С. 144.

[26] *Восторгов И, прот.* Заветы истории о верности православию и самодержавию. С. 720.

[27] Там же.

Коронация императора Александра III.
Государь император кланяется народу с Красного крыльца. Худ. И. К. Макаров, 1883 г.

О нравственной связи русского царя с народом, истоки которой следует искать в Византии, писала и монархическая пресса, в частности, газета Союза русского народа «Русское знамя». Как отмечает М. Л. Размолодин, ссылаясь на номер издания от 17 июля 1908 г., «русский человек неразрывно связывал свое существование с Россией и ее государственным строем, употребляя характерные выражения: царь-батюшка, Русь-матушка, сравнивая солнце с царем, луну с царицей, а звезды с их детьми — подданными империи»[28].

Особое место в рассуждениях консерваторов о Византии и византизме занимала идея «симфонии властей». Так, Л. А. Тихомиров посвятил особенностям взаимоотношения Церкви и государства в Византии небольшую главку своего труда «Монархическая государственность»[29]. Мыслитель отмечал, что еще императором Константином была поставлена серьезная задача определения отношений между императорской властью и «верой подданных» (т. е. Церковью). Эта задача на протяжении последующих 1500 лет сначала в Византии, а затем в России решалась с различной долей успеха[30]. Тихомиров полагал, что император Константин, взяв из христианства идею верховной власти, сохранил «римскую императорскую доктрину государственности», что привело к определенному раздвоению в понятиях верховной власти, а также к опасному смешению понятий «нация» и «Церковь»[31].

По словам автора «Монархической государственности», следует четко различать «Церковь» и «государство», ибо Церковь не заключает в себе государственной власти, не имеет ее[32]. Недооценка этого факта приводит, по его мысли, к перекосам в церковно-государственных взаимоотношениях — например, к папоцезаризму, при котором верховная власть оказывается в руках Церкви, что было характерно для католического Запада, либо к цезарепапизму, когда император считает себя

[28] *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни. С. 181.
[29] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. С. 144–147.
[30] Там же. С. 146.
[31] Там же. С. 147.
[32] Там же. С. 149.

«верховным повелителем Церкви»[33]. Цезарепапизм, считал Тихомиров, в большой (хотя и не в полной) степени был характерен для Византии, где императоры не удосуживалась «дополнить государственное строение необходимыми социальными опорами»[34]). Московская Русь, утверждал мыслитель, смогла наиболее удачным образом построить тип взаимоотношений между государством и Церковью. Сохранив византийскую постановку церковно-государственных отношений, Русь «имела оживленный социальный строй»[35]. Петровские преобразования, однако, как полагал Тихомиров, исказили изначальный «правильный» строй Московского государства, и «время Петра» сопровождалось «огромным регрессом» по отношению к московскому периоду русской истории[36].

О пагубном папоцезаризме Запада и о совершенном церковно-государственном взаимодействии в Византии и особенно на Руси рассуждал также лидер «обновленческого» Союза русского народа (организация, структурированная к 1912 г. после раскола единого Союза русского народа) Николай Евгеньевич Марков (1866–1945), который в эмигрантской работе «Правда о смуте церковной» отмечал, что налицо столкновение двух мировоззрений — западного и византийско-русского, «теории церковного единовластия с правилом церковной соборности»[37]. Политик и публицист писал о «московско-византийской церковной традиции»[38]. Ранее, еще в период Первой мировой войны, он же указывал на факт неразрывной связи византийской и киевской, а впоследствии и московской традиций[39].

Сходясь во мнении, что русское государственное начало неразрывно связано с Византией и ее политическими принципами, русские правые, однако, в отличие от мыслителей средневековой Руси (и, кстати говоря, многих современных философов), почти не использовали понятие «Москва — Третий Рим». В частности, даже Л. А. Тихомиров, изучая особенности государственного устройства Московской Руси[40], практически ничего не пишет об идеологии «Третьего Рима». Проанализировав ряд произведений русских консерваторов начала XX в., нам удалось найти упоминание о теории «Москва — Третий Рим» только у лидера Русской монархической партии, члена Русского собрания Владимира Андреевича Грингмута (1851–1907), который подчеркивал, что Россия является «великой преемницей первого и второго Рима»[41], в Киеве принявшей «великое наследие Византии»[42]. Размышляя о практическом отсутствии упоминания доктрины «Третьего Рима» в трудах русских консерваторов начала XX в., современный историк А. Д. Степанов пишет, ссылаясь на дореволюционного профессора Московской духовной академии И. Д. Беляева (близкого к славянофилам), что, вероятно, «доктрина была неприемлема из национальной гордости», к тому же «с антикатолическим пафосом»[43] (отрицание какой-либо общности православной России с Римом).

---

[33] Там же. С. 150.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 150–151.

[36] Там же. С. 303.

[37] *Марков Н. Е.* Правда о смуте церковной. Париж, 1926. С. 16; *Его же.* Правда о смуте церковной // *Его же.* Думские речи. Войны темных сил / Сост. и коммент. Д. И. Стогов, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. С. 150; *Стогов Д. И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012. С. 123.

[38] *Стогов Д. И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. С. 124.

[39] См.: *Иванов А. А., Степанов А. Д.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2008. С. 313.

[40] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. С. 242–272.

[41] *Грингмут В. А.* Где мировая задача России? // *Его же.* Объединяйтесь, люди русские! / Сост. А. Д. Степанов, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2008. С. 90.

[42] *Грингмут В. А.* Личность в истории // *Его же.* Объединяйтесь, люди русские! С. 96.

[43] *Степанов А. Д.* Идея Третьего Рима в национальной мысли и государственной практике. Выступление на вторых Годеновских чтениях. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/04/01/

Весьма оригинальные и нетипичные для большинства правых мысли о византийском влиянии на русскую государственность содержатся в дневнике Б. В. Никольского (впрочем, во многом они перекликаются с суждениями Л. А. Тихомирова). Он полагал, что в Византии государство подмяло под себя Церковь, и в итоге там фактически осталось только государство. Ученый-правовед высказал мнение о том, что при Петре I Церковь в России стала «государственным делом», как это ранее уже наблюдалось в Византии, а в начале XX в., благодаря деяниям митрополита Антония (Вадковского), Церковь попытались обособить от государства[44]. Митр. Антоний, как известно, критиковал синодальную систему, добивался большей независимости Церкви от государства[45].

Как бы то ни было, русская правоконсервативная мысль в целом высоко ставила государственное устройство Византии, прежде всего по сравнению с католическим Западом, отмечала как его достоинства, так и отдельные недостатки. Правые писатели, политики, публицисты, священнослужители при этом подчеркивали, что в Московской Руси многие из этих недостатков были преодолены, и уже ко времени правления Ивана Грозного было построено своего рода идеальное государство с гармоничными взаимоотношениями царя, Церкви и народа.

Культурное влияние Византии и русские правые начала XX в. Особое место в рассуждениях русских правых начала XX в. занимает проблема влияния византийской культуры, в том числе византийского просвещения, на развитие русской цивилизации. Практические все отечественные консерваторы неизменно подчеркивали огромный вклад Византии в деле русского просвещения, противопоставляя византийскую образованность западной схоластике и западным культурным идеалам. Так, член Русского собрания, один из основателей и организаторов правомонархического Русского окраинного общества, неославянофил Антон Семенович Будилович (1846–1908) утверждал, что образованность славянства в целом неразрывно связана с культурой Византии[46]. Мыслитель писал о «византийской школе», которую в той или иной степени прошли все славянские народы[47]. Будилович говорил о разных видах классической образованности — римской и греко-византийской[48], подчеркивал, что славяне стояли гораздо ближе (даже чисто территориально) к «эллинистической» (восточнохристианской) образованности, чем к римской[49]. После принятия славянскими народами христианства это культурное сближение с Византией еще более усилилось[50]. В итоге постепенно произошел синтез культурного начала славян с византийской образованностью, который дал прекрасные результаты[51]. В социально-экономическом плане, отмечает А. С. Будилович, в ряде западнославянских стран (Польше, Чехии, Хорватии и др.) верх взяли идеи западноевропейского феодализма, тогда как идеи «византийского бюрократизма» были восприняты остальными славянами (в большей или меньшей степени — славянами вообще)[52].

Участник правомонархических Союза русских людей и Союза москвичей, философ-неославянофил Дмитрий Алексеевич Хомяков (1841–1919), старший сын

ideya_tretego_rima_v_nacionalnoi_mysli_i_gosudarstvennoi_praktike (дата обращения: 01.11.2023).

[44] *Никольский Б. В.* Из дневника (запись 26 февраля 1901 г.) // *Его же.* Сокрушить крамолу / Сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогов, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2009. С. 59.

[45] Подробнее см.: *Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.* Митрополит Антоний (Вадковский) — реформатор Русской Православной Церкви // Финно-угорский мир. 2015. № 1 (22). С. 74–75.

[46] *Будилович А. С.* Несколько замечаний об изучении славянского мира // *Его же.* Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю. В. Климаков, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 476.

[47] *Будилович А. С.* Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах // *Его же.* Славянское единство. С. 489.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 490.

[50] Там же.

[51] Там же. С. 491.

[52] Там же. С. 511.

Земская школа в Московской Руси. Худ. Б. М. Кустодиев, 1907 г.

одного из основоположников славянофильства А. С. Хомякова, рассуждал об «исторических проявлениях народности» в России и пришел к выводу, что ее истоки следует искать в «просвещении Византии» и ее культуре[53]. Мыслитель отмечал, что именно из греческого источника славянство восприняло античную культуру, которая, попав на чистую благоприятную почву, принесла обильные всходы и захватила «самую душу» славянского народа[54]. Здесь уместно вспомнить рассуждения одного из идеологов славянофильства Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856), который указывал, что византийская культура под знаменем христианства сумела «переварить» и примирить разновидности богатого античного языческого культурного наследия, доставшегося впоследствии Руси — России[55].

О «высокой культурной миссии» античной Греции, а вслед за ней и Византии писал также В. А. Грингмут[56]. Один из основателей Русского собрания, поэт и публицист Василий Львович Величко (1860–1903) обращал внимание на то, что расцвет римского права, окончательная кодификация законов произошли не в Древнем Риме, а уже в Византии, что было обусловлено наличием в Византийской империи монотеистической религии, христианства[57]. Соответственно, через Византию идея выработки государственности в рамках «разноплеменной империи», скрепленной единой христианской верой, перешла на Русь и получила свое дальнейшее развитие.

В правоконсервативной среде, в том числе в периодической печати соответствующего направления, получили широкое распространение идеи о том, что, вслед за Византией и в противоположность Западу, Русь, а затем Россия восприняли Христа сердцем, а не умом. Правые много писали о всепрощении русского народа, сердечно

[53] *Хомяков Д. А.* Народность // *Его же.* Православие. Самодержавие. Народность / Сост., вступ. ст., примечания, именной словарь А. Д. Каплин, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. С. 286.

[54] Там же.

[55] *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // *Его же.* Духовные основы русской жизни / Предисл. прот. В. В. Зеньковский, подгот. текста и коммент. Н. Ю. Лазарева. М., 2007. С. 163.

[56] *Грингмут В. А.* Где мировая задача России? // *Его же.* Объединяйтесь, люди русские! С. 90.

[57] *Величко В. Л.* Отвлеченный и живой человек // *Его же.* Русские речи / Сост. предисл. и коммент. А. Д. Степанов, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2010. С. 117.

воспринимавшего христианские идеалы. В этой связи историк М. Л. Размолодин цитирует газету «Русское знамя», где в публикации от 17 июля 1908 г. отмечалось, что русский народ, в душу которого глубоко проникло Православие, «повинуется Богу не по принуждению, как Богу католичества, Богу-ревнителю, жестоко карающему всех ослушников воли папы римского. Нет, он повинуется по своей воле Тому Богу, Который в правде и милости и Который возлюбил людей и вследствие их грехов для их же спасения послал Сына Своего на землю для страданий…»[58] Монархисты указывали, что, в отличие от Византии и России, Запад не воспринял христианство сердцем и душой, а только умом, и, соответственно, история Европы, начиная с раннего Средневековья, есть история кровавых войн и этнических чисток. Напротив, Византия, как впоследствии и Россия, несла народам, оказывавшимся в ее сфере влияния, высокую культуру, нравственность и просвещение[59].

Особое место в рассуждениях русских консерваторов начала XX в. о Византии и византизме занимает проблема влияния византийской культуры на славянскую идею в целом. Видя себя, как правило, последователями славянофилов, многие правые указывали, что именно византийское начало призвано объединить славянство, создать условия для его интеграции в противовес западному миру. Генерал А. А. Киреев пишет, что славянофилы не доверяют «парламентарному государству», характерному для Западной Европы[60]. Мыслитель и публицист подчеркивал, что славянофилы живут идеалами допетровской, «византийской Руси»[61]. А. А. Киреев выразил формулу русской политической системы (самодержавной России) следующими словами: «Одна воля и много умов», тогда как на Западе, по его мнению, сложилась иная система, выраженная формулой: «Много воль и много умов»[62].

В свою очередь, А. С. Будилович обращал внимание на роль византийского начала в формировании славянства и утверждал, что «стиль византийский» в итоге должен стать основой «стиля всеславянского». Свою мысль он пояснял тем обстоятельством, что примерно три четверти славян приняли «византийский стиль», который им пришелся в целом по вкусу[63]. «Греко-славянская Церковь» в свое время сроднила славянство с греческой (византийской) письменностью и культурой в целом. Именно «греко-славянская образованность» охватила еще в I тысячелетии по Рождестве Христовом практически все славянство и, хотя впоследствии под влиянием романо-германского мира она в значительной степени ослабла у западных славян, тем не менее, имела колоссальное значение, способствовав возрождению славянской идеи уже в XIX в. в различных славянских странах (например, у чехов)[64]. Мыслитель обращал внимание на то, что возрожденные уже в XIX в. славянские государства (Сербия, Черногория, Болгария) восприняли византийские политические принципы. Еще больше «византийских элементов», указывал он, в культуре славян: в философии, литературе, этике, в церковном пении и т. д.[65]

Таким образом, практически все рассмотренные нами авторы, убежденные консерваторы, разделяли идеи о положительном, благотворном влиянии Византии, византийского права, византийской науки и культуры на формирование славянства. Восприняв античную традицию посредством Византии, славяне, по мысли русских правых, смогли развить и преобразовать ее на богатой славянской почве. Славянская культурная традиция, вобрав в себя византийскую традицию, в сознании русских

[58] Цит. по: *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни. С. 176.

[59] Там же. С. 177.

[60] *Киреев А. А.* Спор с западниками настоящей минуты // *Его же.* Учение славянофилов. С. 343.

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] *Будилович А. С.* Несколько замечаний об изучении славянского мира // *Его же.* Славянское единство. С. 434.

[64] *Будилович А. С.* Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах // *Его же.* Славянское единство. С. 490.

[65] Там же. С. 491.

правых начала XX в. противопоставлялась западной цивилизации, которую они считали бездушной, безнравственной, пропагандирующей насилие.

Подведем некоторые итоги. Анализ исторических источников (книг, научных и публицистических статей, публичных речей, проповедей) известных русских правоконсервативных мыслителей, публицистов, священнослужителей, политиков позволяет сделать вывод о том, что практически все рассмотренные нами авторы считали крайне важным обращение к византийскому наследию. Неизменно подчеркивалось, что именно через Византию, из Константинополя, русские, а также многие другие славянские народы восприняли христианство. Правые писали о том, что русские после падения Константинополя стали хранителями Православия. Однако теория «Москва — Третий Рим» практически не использовалась в их рассуждениях в начале XX в. (за исключением В. А. Грингмута). Это обстоятельство объясняется, возможно, тем, что русские монархисты считали неверным проводить вообще какие бы то ни было параллели между Русским государством и Римской империей, считая последнюю колыбелью западной (но не русской) цивилизации.

Основа позиции русских правых начала XX в. по византийскому вопросу лежит в трудах поздних славянофилов, главным образом в работе К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство». Русские монархисты переосмысляли и развивали идеи выдающегося русского мыслителя о византизме. Им импонировали такие черты этого явления, как сильная монархическая власть, послушание властям, симфония светской и церковной властей, церковность, идея «сильного государства» в противовес парламентаризму Запада и т. д.

Значительное место в рассуждениях русских консерваторов начала XX в. занимают идеи о колоссальном благотворном влиянии византийской культуры как на Россию, так и на значительную часть славянского мира вообще.

Источники и литература

1. *Аксаков И. С.* Наше знамя — русская народность / Сост. и коммент. С. В. Лебедев, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
2. *Будилович А. С.* Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю. В. Климаков, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 784 с.
3. *Величко В. Л.* Русские речи / Сост. предисл. и коммент. А. Д. Степанов, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 400 с.
4. *Гаврилов И. Б.* Философия византизма в «Русско-византийском вестнике» // Русско-византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 8–12.
5. *Грингмут В. А.* Объединяйтесь, люди русские! / Сост. А. Д. Степанов, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 544 с.
6. *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский (1855–1919) и его «История Византии» // *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. 2-е изд. СПб: Алетейя, 1996. Т. 1. С. 435–445.
7. *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910 гг. / Сост. К. А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. 472 с.
8. *Киреев А. А.* Учение славянофилов / Сост. С. В. Лебедев, Т. В. Линицкая, предисл. и коммент. С. В. Лебедев, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 640 с.
9. *Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни / Предисл. прот. В. В. Зеньковский, подгот. текста и коммент. Н. Ю. Лазарева. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 448 с.
10. *Кожинов В. В.* «Черносотенцы» и революция (загадочные страницы истории). Изд. 2-е, доп. М.: Прима В, ОАО «Оригинал», 1998. 232 с.
11. *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2003–2004. 493 + 394 + 350 с.
12. *Леонтьев К. Н.* Избранное. М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. 400 с.

13. *Марков Н. Е.* Думские речи. Войны темных сил / Сост. и коммент. Д. И. Стогов, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 704 с.

14. *Марков Н. Е.* Правда о смуте церковной. Париж, [б. и.], 1926. 16 с.

15. *Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.* Митрополит Антоний (Вадковский) — реформатор Русской Православной Церкви // Финно-угорский мир. 2015. № 1 (22). С. 70–75.

16. *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. Т. 1: 1896–1903. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 704 с.

17. *Никольский Б. В.* Сокрушить крамолу / Сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогов, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

18. Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2 / Публ. Ю. И. Кирьянова. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. 720 с.

19. *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни / Под ред. проф. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль: Нюанс, 2010. 336 с.

20. *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.

21. Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа / Сост., вступ. и биогр. стт., комм. А. Д. Степанов, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1136 с.

22. *Степанов А. Д.* Идея Третьего Рима в национальной мысли и государственной практике. Выступление на вторых Годеновских чтениях. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/04/01/ideya_tretego_rima_v_nacionalnoi_mysli_i_gosudarstvennoi_praktike (дата обращения: 01.11.2023).

23. *Степанов С. А.* Черная сотня: что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 669, [2] с.

24. *Стогов Д. И.* Русские монархисты начала XX в. о К. Н. Леонтьеве // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 168–178.

25. *Стогов Д. И.* Славянофильство как идеологическая основа монархического движения начала XX в. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 192–201.

26. *Стогов Д. И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 672 с.

27. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб.: Комплект, [1992]. 680 с.

28. *Хомяков Д. А.* Православие. Самодержавие. Народность / Сост., вступ. ст., примечания, именной словарь А. Д. Каплин, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 576 с.

29. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.